

Моника
Вуд

ОДИН НА МИЛЛИОН

Роман об особенном мальчике, 104-летней леди и о том, что потеря — это еще и шанс обрести себя. Больше тысячи положительных отзывов на Amazon

Моника Вуд
Один на миллион
Серия «МИФ Проза»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57351895

Моника Вуд. Один на миллион: Манн, Иванов и Фербер; Москва; 2020

ISBN 978-5-00169-110-5

Аннотация

11-летний мальчик в рамках скаутского задания помогает по хозяйству пожилой леди с необычным именем Уна. Каждую субботу, после того как птичьи кормушки наполнены, а садовый инвентарь разложен по местам, Уна угощает мальчика печеньем и рассказывает о событиях 104 лет своей жизни. Однажды на пороге дома Уны появляется отец мальчика с печальной новостью о сыне. *На русском языке публикуется впервые.*

Содержание

Предисловие автора	6
Часть первая. Brolis (брат)	7
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Моника Вуд

Один на миллион

Monica Wood

The One-in-a-Million Boy

Издано с разрешения Andrew Nurnberg Associates
International Ltd

Перевод с английского *Ирины Климовицкой*

Дизайн серии и внутреннего блока *Макса Зимина*, иллюстрация *Татьяны Россоленко* (дизайн-студия «Космос»)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2016 by Monica Wood. By arrangement with the Author.
All rights reserved.

© Перевод на русский язык, издание на русском языке >
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Посвящается Джо Сиройсу, который вошел в нашу семью, и Гейлу Хохману, который затеял всю

авантюру

Предисловие автора

В романе приводятся списки мировых рекордов, большая часть которых взята из различных изданий Книги рекордов Гиннеса. За исключением четырех очевидных случаев, имена и номинации являются реальными, однако они, как и сама Книга рекордов Гиннеса, используются здесь, чтобы проиллюстрировать мир, который существует только в моем воображении. Некоторые рекорды, вероятно, были побиты за то время, что прошло между написанием книги и ее публикацией. Я также использовала информацию с сайта Геронтологической исследовательской группы – организации, которая отслеживает долгожителей по всему миру. Эпизод, в котором фигурирует реально существующий музыкант Дэвид Кросби, является вымышленным.

Часть первая. Brolis (брат)

Говорит мисс Уна Виткус. Записываем историю ее жизни.

Часть номер один.

Начинаем?

...

Нет, невозможно ответить на все эти вопросы. Мы с тобой тут до Страшного суда просидим.

...

Отвечу на первый, и хватит.

...

Я родилась в Литве. В 1900 году. Не помню ничего про то место. Ну, разве что какие-то домашние животные припоминаются смутно. Была там то ли лошадь, то ли корова. Белая, в пятнах.

...

Скорее, корова.

...

Понятия не имею, коровы каких пород водятся в Литве. Знаешь таких пятнистых буренок, которые встречаются везде? Мне кажется, такая и была.

...

Голштинки, говоришь. Спасибо. Да, и еще вишневые деревья. Прекрасные вишневые деревья, по весне напоминали мыльную пену. Огромные, пышные, все в цвету.

...

Потом было долгое путешествие, мы на корабле плыли через океан. Помню что-то урывками. Да у тебя на этой бумажке миллион вопросов...

...

Вижу, что пятьдесят. Не придирайся, это просто оборот речи. Не обязательно задавать их по порядку.

...

Потому что история человеческой жизни никогда не начинается с начала. Неужели тебе в школе этого не объясняли?

Глава 1

Она все-таки ждала его – или кого-нибудь, хоть никто ей так и не позвонил.

– Где мальчик? – крикнула она с крыльца.

– Он не смог прийти, – ответили ей. – Вы миссис Виткус?

Он пришел, чтобы насыпать корма в кормушки для птиц, вынести мусор, посвятить шестьдесят минут своего времени уходу за ее хозяйством. По крайней мере, на это он способен.

Она разглядывала его с недовольным видом, ее лицо, лишенное красок, напоминало сморщенное яблоко, на котором выделялись, как яркие семечки, встревоженные глазки.

– Птицы умирают с голоду, – сказала она. – Не могу же я лазать на стремянку.

Ее голос хрустел, как разбитое стекло под ногами.

– Миссис Уна Виткус? Дом сорок два по Сибли-авеню? – на всякий случай уточнил он.

Добираться пришлось через весь город на автобусах с двумя пересадками.

Зеленое бунгало затаилось в заросшем деревьями тупике, в двух кварталах от супермаркета и в нескольких шагах от тротуара. Стоя возле дома, Куин одинаково хорошо слышал и щебет птиц, и шум автомобилей.

– Вообще-то мисс, – надменно ответила она.

Он уловил в ее речи акцент, правда едва заметный. Маль-

чик ничего об этом не говорил. Ее путь, наверное, пролегал через остров Эллис¹, как у сонмища других переселенцев.

– На прошлой неделе он тоже не явился, – сказала она. – На этих мальчиков совсем нельзя положиться.

– Тут я ничего не мог поделать, – ответил Куин, оцетившись.

С чего он взял, что встретит здесь фею с розовыми щечками? Место напоминало логово ведьмы: клумбы с засохшими цветами, черепичная крыша тростникового цвета, клинья мансардных окон.

– Надо же этих мальчиков учить послушанию. Чтобы росли толковыми, добрыми, послушными... Добрыми, послушными и... – она хлопнула себя по лбу.

– Аккуратными, – подсказал Куин.

Мальчик умер. Очень аккуратно умер. Но Куин не смог произнести этого.

– Аккуратными и почтительными, – закончила женщина. – Они же мне обещали. Клялись. Я поверила, что все будет по-настоящему, без дураков.

Снова акцент проскользнул еле слышным отголоском: какая-то шершавость согласных, менее музыкальное ухо ничего бы не заметило.

– Я его отец, – сказал Куин.

¹ Остров Эллис расположен в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 года по 10 ноября 1954 года. *Прим. перев. здесь и далее.*

– Да я уж догадалась. – Она закуталась в свою куртку из килта. На голове у нее была шапка с помпоном, хотя на улице стоял конец мая, припекало так, что пот выступал. – Он что, заболел?

– Нет, – ответил Куин. – Где у вас корм для птиц?

Старуха вздрогнула. Ее ноги в чулках напоминали две грабли, обутые в черные башмачки.

– Там, в сарае, – сказала она. – У двери, если мальчик не переставил. Он на все завел свои порядки, знаете ли. Лестница тоже там. Но вы высокий. Может, вам она и не понадобится.

Она смерила Куина взглядом от ступней до макушки, словно прикидывала размер его одежды.

– Если я повешу кормушки ниже, вы сами сможете наполнять их, – предложил он.

Она уперлась кулаками в бока.

– Как же это все доканывает меня, – сказала она с таким видом, будто вот-вот расплачется, и эта внезапная, разительная перемена заставила Куина поторопиться. Он сказал:

– Пойду займусь делом.

– Я буду в доме, – она указала костлявым пальцем на дверь. – С таким же успехом смогу наблюдать за вами из окна.

Голос ее звучал энергично и настолько не вязался с дряхлостью тела, что Куин даже усомнился в словах Белль, будто Уне Виткус сто четыре года. После смерти мальчика Белль

стала воспринимать реальность как-то искаженно. Он боялся и самого горя, и того, что горе сломает ее. Он бы хотел защитить Белль, но не имел таланта строить отношения и был способен лишь на одно – тупо исполнять ее указания в знак искупления своей вины. Вот почему он очутился здесь: чтобы по приказу своей дважды бывшей жены закончить доброе дело, начатое сыном.

Обшарпанные двери сарая открылись легко. Похоже, петли недавно смазали. Внутри оказалась стремянка со сломанной ступенькой. Воняло животными – не кошкой или собакой, а какими-то грызунами, мышами, что ли. Или тощими, наглыми, зубастыми крысами. Садовый инвентарь, тронутый ржавчиной, расположился по диагонали на дальней стене крючьями, зубьями и остриями наружу. Куин подумал, что мальчик мог запросто получить травму во время своей еженедельной миссии милосердия, если бы у стремянки надломилась ступенька, подточенная червем. Сомнительная реклама для скаутского отряда номер двадцать три.

Но мальчик не получил травму. Он, выражаясь его языком, «получил заряд вдохновения». Куин обнаружил птичий корм в знакомом пластиковом ведре. Когда-то оно вмещало пять галлонов смеси, которая пошла на шпаклевку стен в гараже Белль – перед их окончательным расставанием, перед тем, как она превратила его репетиционный зал в склад для растворителей, средств против сорняков и запасных шин. В

ведре Куин нашел совок внушительного размера, блестящий и вишнево-красный, веселый, словно реквизит для рождественского спектакля. На соседней полке он заметил еще девять таких же совков. Мальчик был барахольщиком. Невозможно объяснить, почему он собирал какие-то вещи. Накануне похорон Белль пустила Куина в комнату мальчика, но велела ничего не двигать и не трогать. Вот что он насчитал там: птичьих гнезд – десять штук, журналов Old Yeller – десять штук, фонариков – десять штук, свиной-копилки – десять штук, пособий для бойскаутов – десять штук. Там же имелись палочки от леденцов, желуди, катушки от ниток – все аккуратно собрано в комплекты по десять штук. Компьютер один, но к нему десять мышек. Стол один, но на нем десять пеналов. Накопительство, утверждала Белль, это естественная реакция на отсутствие отца, чье внимание утекает, как вода из поломанного крана. «Сам посуди, – однажды сказала она ему, – зачем одиннадцатилетнему ребенку окружать себя этой крепостью из вещей?»

«Затем, что с ним что-то не так», – мысленно ответил Куин. Но в тот скорбный день они осмотрели комнату мальчика молча. Белль вышла первой, а Куин задержался, взял дневник мальчика – блокнот на пружинках, пять на семь, черного цвета – и засунул в карман куртки. Еще девять блокнотов так и остались лежать нетронутыми, запечатанными в пленку.

Куин подтащил мешок с птичьим кормом к кормушкам мисс Виткус, он представил себе, как остальные члены отря-

да номер двадцать три бодро творят добро, занимаясь куда более интересными делами. Командир скаутов Тед Ледбеттер, учитель средней школы и отец-одиночка, заявлял, что его любимое занятие – ходить в лесные походы, и, судя по всему, он сбагрил мисс Виткус на самого безответного ребенка, который заведомо не стал бы протестовать. Вот она постукивает по стеклу, давая понять Куину, что надо пошевеливался.

Между домом и высокой березой мисс Виткус натянула бельевую веревку в тридцать футов длиной и увешала ее кормушками для птиц. Куин с его ростом не нуждался в стремянке, а вот мальчик, маленький и худенький, как эльф, без нее обойтись не мог. Куин тоже был мелким до одиннадцати лет, а на двенадцатое лето вымахал одним рывком, так что кости ломило и из одежды ничего не годилось. Возможно, мальчик с возрастом тоже вырос бы. Рослый барахольщик. Рослый собиратель странных вещей.

Куин начал со стороны березы; едва он снял крышку с первой кормушки, птицы оживились, запорхали с ветки на ветку, и те закачались. Птенцы, догадался Куин. Все новое за последние две недели он узнавал благодаря аккуратному, правильному, старомодному почерку своего сына. Загадочный плод слабосильных чресл Куина, мальчик, как выяснилось из дневника, замахивался на почетный значок за умение распознавать птиц – «Орел скаутов».

Мисс Виткус открыла окно.

– Они приняли вас за мальчика, – крикнула она, когда птицы спорхнули вниз. – Такая же куртка.

Свежий воздух ворвался в легкие резко и безжалостно. Мисс Виткус наблюдала за ним, свитер топорщился на ее впалой груди. Он ничего не ответил, и она закрыла окно.

Наполнив кормушки и пройдясь газонокосилкой по лужайке, Куин вернулся к дому. Мисс Виткус стояла на пороге, ждала его. Беловатый пух у нее на голове, который и волосами-то не назовешь, напомнил Куину одуванчики. Она сказала:

– После работы я угощаю его печеньем.

– Нет, спасибо.

– Это входит в дежурство.

Пришлось зайти, но куртку он снимать не стал. Куртки у них с мальчиком были, как заметила мисс Виткус, совершенно одинаковые: кожаные бомберы с заклепками, отчего Куин походил на рок-н-рольщика, а мальчик – на суриката, вырвавшегося из капкана. В этой куртке Белль его и похоронила.

Куин ожидал, что окажется посреди кошек и носовых платков, но нет, жилище мисс Виткус было просторным и полным воздуха. На одном конце кухонной столешницы лежала стопка газет, но в остальном он сиял чистотой. Краны над раковиной блестели. Наверняка и участок возле дома когда-то выглядел не хуже, чем у соседей, – ровные дорожки, аккуратные клумбы посреди подстриженных газонов – про-

сто с возрастом у нее кончились силы поддерживать порядок.

На столе две разнокалиберные тарелки, пачка маленьких крекеров в виде фигурок животных, колода карт и уродливые очки для чтения из аптеки. От стульев пахло полиролью с лимонной отдушкой. Он постарался представить, как мальчик чувствовал себя здесь.

– Говорят, вам сто четыре года, – сказал Куин, просто чтобы нарушить молчание.

– И сто тридцать три дня. – Она раскладывала крекеры по тарелкам один за другим, как раздают карты. Молока, похоже, не предвидится.

– А мне сорок два, – сказал он. – Для музыканта все равно что восемьдесят четыре.

– Выглядите старше, – она стрельнула в него искрой зеленых глаз.

В своем дневнике мальчик записал, как всегда, без единой ошибки: «Мисс Виткус дает НЕВЕРОЯТНЫЙ заряд вдохновения – она настоящая волшебница, и жизнь прожила просто ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ!!!» В дневнике было исписано двадцать девять страниц, повседневная хроника чередовалась с короткими восторженными заметками о мисс Виткус, его новом друге.

– Вам кто-нибудь помогает? – спросил Куин. – Кроме скаутов?

– Меня обслуживает «Еда на колесах», – ответила она. –

Я их стряпню расковыриваю и готовлю заново, выходит экономия на продуктах.

Она взяла крекер в виде динозавра.

– Это они привозят вместо десерта. – Она снова взглянула на Куина. – Ваш мальчик говорил, что вы знаменитость. Это так?

– Разве только в своих мечтах, – рассмеялся он.

– Какого рода музыку вы играете?

– Любую, кроме джаза. С джазом в крови надо родиться.

– Как Элвис?

– Именно.

– Ковбойские песни играете?

– Если хорошенько попросить.

– Мне всегда нравился Джин Отри. А как вам Перри Комо?

– Хоть Перри Комо, хоть Джин Отри, хоть «Лед Зеппелин», хоть реклама кошачьего корма. Лишь бы платили.

– Я никогда не слышала Эда Зеппелина, но рекламой кошачьего корма сыта по горло. – Она несколько раз моргнула. – Значит, на все руки от скуки.

– Поденщик, – сказал он. – Надо же зарабатывать.

Она опять взглянула на него.

– И все-таки вы талантливый.

– Я обыкновенный.

Что мальчик наплел ей? Куин чувствовал себя жуком на булавке под лупой.

– С семнадцати лет работаю без передышки.

Она не нашлась, что ответить, и промолчала.

– Гитаристом, в смысле. В основном я работаю гитаристом.

Снова молчание, и Куин сменил тему:

– Вы прекрасно говорите по-английски.

– А почему бы мне не говорить по-английски? Как-никак живу в этой стране сто лет. Чтоб вы знали, я была секретарем у директора школы. Академия Лестера. Слыхали?

– Нет.

– Как же, доктор Мэйсон Валентайн. Блестящий мужчина.

– Я учился в бесплатных школах.

Она теребила свой свитер, экспонат из сороковых годов с большими стеклянными пуговицами.

– На этих мальчиков совсем нельзя положиться. У нас же с ним были планы. – Она посмотрела на Куина.

Куин сказал:

– Постараюсь заменить его.

– Как вам будет угодно. – Она барабанила пальцами по за-тертой колоде карт, которые были несколько меньше обычных.

– Сын говорил, что вы показываете фокусы, – не удержался Куин.

– Но не бесплатно.

– Вы брали с него плату?

– С него нет. Он же ребенок.

Она надела очки – чересчур большие для ее лица – и поглядела на колоду.

Мальчик писал: «Мисс Виткус НЕВЕРОЯТНО талантливая. Она умеет делать так, что карты и монеты ИСЧЕЗАЮТ. А потом ПОЯВЛЯЮТСЯ снова!!! И улыбка у нее удивительная».

Да, именно так он выражался и в жизни.

Куин спросил:

– Сколько?

Она перетасовала карты, настроение у нее переменялось.

– Что ж, позабавлю вас, – сказала она с царственным пренебрежением. Каких только шарлатанов не повидал Куин в своей жизни, но эта старая карга была почище многих.

– Лишь бы фокус удался, – сказал он, посмотрев на кулонные часы.

– Вы спешите, – заметила она. – Все спешат.

Она перекидывала колоду из руки в руку не так эффектно, как ей казалось, но вполне впечатляюще.

– Летом 1914 года я сбежала из дома с бродячей труппой, тогда и освоила искусство престиджитации².

Она приподняла брови, будто это слово само по себе уже было магическим заклинанием.

– Через три месяца я вернулась домой и прожила самую

² В иллюзионном искусстве способ работы с небольшими предметами, при котором у зрителя возникает ложное ощущение «появления», «исчезновения» или «перемещения» предмета в руках иллюзиониста.

заурядную жизнь, какую только можно себе представить, – она произнесла это с особым, но не вполне понятным ему чувством. – Я показываю фокусы, чтобы напомнить себе, что когда-то была молодой.

Покраснев, она добавила:

– Я рассказала вашему мальчику много историй. Может быть, слишком много.

Не зря он боялся приходить сюда: мальчик был повсюду. Куину никогда не хотелось иметь детей, и отец он был из рук вон плохой, по большей части отсутствовал, и вот теперь, после смерти мальчика, не испытывал ни парализующей заморозки шока, ни ранящей остроты скорби, разве что мучительную и мрачную иронию, изнуряющую сердце.

Мисс Виткус помахивала картами в ожидании. Зубы у нее были длинные, неровные, но белые узловатые пальцы – на редкость проворные, а ногти – гладкие и блестящие.

– Пять баксов, – сказал Куин, вынимая бумажник.

– Читаете мои мысли. – Она взяла банкноту и засунула куда-то под свитер.

Через мгновение Куин спохватился:

– А где же фокус?

Она перегнулась через стол и собрала карты.

– Пять долларов за вход, – сказала она, и он разглядел выражение ее глаз – в них была злость. – За представление еще пять.

– Это же вымогательство.

– Я не вчера на свет родилась, – ответила она. – В следующий раз приведите с собой мальчика.

Говорит мисс Уна Виткус. Записываем историю ее жизни. Это снова часть номер один.

Как, восемьдесят восемь минут? На этой маленькой штуковине?

...

Ловлю тебя на слове. Что ж, поехали.

...

Ну, появилось радио. Хорошая штука, кстати. И еще печатная машинка. Застежки «велкро». Миксер электрический. О, и еще много замечательных изобретений по части женского нижнего белья. Трудно выбрать что-то одно.

...

Да, а потом у меня появилась стиральная машина – автомат. Точно, автомат. Не помню, когда я перешла на нее. Вот ты трешь нижнюю юбку на стиральной доске, а вот у тебя уже двое детей-подростков и «майтаг»³ последней модели, не успеешь и глазом моргнуть. А куда подевалось то, что между, непонятно.

³ «Майтаг» – американский бренд бытовой техники, принадлежащий Whirlpool Corporation после приобретения в апреле 2006 года. Компания Maytag Washing Machine была основана в 1893 году предпринимателем Фредериком Майтагом.

...

Вот и все. Больше мне нечего сказать.

Глава 2

Куин покинул дом мисс Уны Виткус на пять долларов беднее и обделенный магией. На автобусе он доехал до Норт-Диринга, вышел у самого дома Белль и застал ее у забора – она расчищала граблями клумбу с тюльпанами. Он всегда считал этот дом домом Белль – что было верно в юридическом смысле – хотя сам прожил здесь в общей сложности пять с половиной лет. Окна-эркеры напоминали ему о ситкомах шестидесятых годов, которые он в детстве запоем смотрел по телевизору, в них фигурировали образцовые мужья и отцы, надежные парни, которые вечерами сидели дома и заботились о том, чтобы семейная лодка не пошла ко дну.

– Ну что? – спросила Белль. Даже голос у нее стал тонким, словно из него вырезали нижние ноты.

– Это в районе Вестбрука, – ответил он. – Двор в ужасном состоянии.

– Он подрядился работать у нее до середины июля. Я сказала Теду, что мы возьмем это на себя.

– У нее там штук двадцать кормушек, висят очень высоко. Работенка была прямо для него, лучше не придумаешь.

Белль оглядела улицу.

– Ты пешком?

– Я продал свою «хонду», – он вынул из кармана чек и протянул ей.

После второго развода он посылал ей деньги на ребенка каждую субботу и ни разу не пропустил платежа.

Она посмотрела на него без всякого выражения.

– Я же сказала, Куин. Теперь нет необходимости.

Он подумал уже не в первый раз: а может ли человек умереть от горя, в буквальном смысле? На ней была розовая блузка, такая мятая, словно ее только что вынули из стиральной машины в общественной прачечной.

– Белль, – сказал он. – Прошу тебя, возьми.

Она не взяла, и он стоял с протянутым чеком, который трепыхался на ветру, кровь пульсировала в висках, он дал ей понять, что не отступит. Она сдалась, взяла чек, не сказав ни слова, в висках перестало стучать.

Вокруг все изменилось до неузнаваемости. Расцвели поздние весенние цветы, окна блестели чистотой, очередная партия вещей дожидалась старьевщика.

– Снова убиралась? – спросил он.

– Просто барахло, от которого решила избавиться.

Почему решила, непонятно. Он пригляделся к куче забракованных вещей: мягкий стул, блендер, настольная лампа, какая-то посуда. Взгляд выхватил предмет, который стоял в стороне: его первый усилитель, два ватта, подарок на тридцатилетие.

– Это, никак, мой «марвел»?

Они оба уставились на него, словно на дохлого зверька. Дешевая штука, японский импорт, полированный кор-

пус блестел, словно мокрый, даже под тридцатилетним слоем пыли.

– Он уродский. К тому же не работает, – сказала Белль. – Кому он нужен?

– Мне его мама подарила.

Шестидюймовый усилитель, три кнопки, хлам по большому счету, единственная сохранившаяся память о детстве. И о матери, если уж на то пошло.

– Между прочим, он работает, – сказал он на этот раз с нажимом.

Куин любил этот усилитель. Он много значил для него.

– Почему бы тебе не забрать свой мусор из моего дома раз и навсегда? Теперь тебя здесь ничего не удерживает.

– Белль, не надо, – попросил он.

Он пропустил два последних свидания с сыном, и теперь ему нет и не может быть прощения. Некоторые вещи, особенно не заслуживающие прощения, удастся рассмотреть лишь в застывшем свете времени. Он огляделся. В течение двух недель семья Белль роилась в доме, словно стая шершней, под предводительством Эми, сестры Белль. Даже Тед Ледбеттер засветился, важная персона. Но сегодня в доме тихо, никого не видно.

– Тед здесь?

– Нет. А тебе какое дело?

– Прости. А где все?

– Тетушки разъехались по домам. Эми отправляет от-

крытки с благодарностями. Я делаю вид, что у меня много дел, чтобы хоть четыре секунды побыть в покое.

Она прислонила грабли к дереву, сделала глубокий выдох, который напомнил ему о занятиях для беременных, где учат правильно дышать во время родов. Он вслед за ней вошел в дом, и она, заметив его, удивилась.

– Можно мне попить? – попросил он.

Она прошла на кухню, налила стакан воды. Дом был аккуратным – образец загородной классики, хотя, строго говоря, находится в городской черте Портленда. Некогда ухабистый участок поделили на газоны. Качели, скворечники на деревьях, собаки. Родители Белль купили этот дом и передали ей с условием, что имя Куина не будет фигурировать в документах на право собственности.

– Она говорила про него? Старуха?

Куин покачал головой.

– Она выманила у меня пять баксов.

– Они вели друг с другом замечательные разговоры, – сказала она. – Я знаю.

– Не понимаю, как он вообще с ней ладил.

Куин очень старался, чтобы это прозвучало легко, но от чрезмерного старания слова упали, словно камни, как падало все в последнее время.

– А ты сказал про него?

Он залпом осушил стакан. От крекеров в форме животных смертельно хотелось пить.

– Кому, ей?

– Ей! Кому же еще, Куин?

– Нет, – ответил он и добавил: – Не смог.

Ледяная корка враждебности, покрывавшая ее, начала подтаивать.

– Нет ничего странного в том, что он ладил с ней, это в его характере, – сказала она наконец. – Она же немислимо старая.

– Я это заметил.

Она коснулась пальцами его руки.

– Это все, о чем я тебя прошу. Он дал ей слово, а для него слово кое-что значило. Я могла бы и сама, но это, – она будто искала нужное выражение пальцами в воздухе, – это долг отца.

Куин ничего не сказал. Что тут скажешь? Он ушел, когда мальчику было три, и вернулся, когда исполнилось восемь. Он добровольно покинул мальчика на пять лет, разбил хрупкую скорлупу отцовства. Бостон, Нью-Йорк и, наконец, Чикаго, пока до него не дошло, что его новая жизнь ничем не отличается от старой, от которой он сбежал, только более одинокая. За этим последовал долгий унизительный путь на автобусе домой. Он прилично зарабатывал – всегда прилично зарабатывал, только этим и мог гордиться – и все равно боялся встретить бывших товарищей по группе и администратора, которые станут шептаться: «Ха-ха, нет, он не смог ничего добиться, и да, он вернулся навсегда».

– Я же не говорю, что не буду ходить к ней. Всего лишь сказал, что она совсем не божий одуванчик в клетчатом фартучке.

– Бедненький, – ответила Белль. – Какие еще дела у тебя запланированы на сегодня?

– Свадьба в пять.

– Вечно у тебя свадьбы в пять, мистер Нарасхват.

Раньше она всегда его так поддразнивала, и теперь, когда возобновила эти подколки, он почувствовал себя не таким одиноким. Белль однажды сравнила его манию выступать с хроническим алкоголизмом. Куина это задевало, правда была в том, что в своей незначительной и бестолковой жизни он, лишь играя на гитаре, чувствовал, что способен дать другому человеку именно то, в чем тот нуждается.

Он прошел вслед за Белль в гостиную, но сесть ему не предложили. Он оглядел комнату, заметил что-то странное, потом сообразил: она убрала книги. Она обычно читала запоем, по четыре-пять книг зараз, и они, распластанные ее страстью, лежали повсюду корешками вверх. Сколько вечеров они провели, когда она пересказывала ему сюжеты, а он, смеясь, умолял не раскрывать, чем все кончилось. Но она всегда так поступала: если ей нравилась книга, она рассказывала историю целиком. Теперь книги аккуратно по росту стояли в шкафу, который, казалось, только-только натерли полиролью.

– Осталось не так уж много суббот, – сказала она.

– На самом деле семь.

– Значит, семь. Неужели ты при всей своей занятости не выкроишь пару часов в субботу?

– Да, но потом придется есть отравленное печенье.

Она засмеялась каким-то лающим смехом, и они оба вздрогнули. Он взял ее руки в свои и не отпускал, сострадание переполняло его до краев. Оно было бездонным.

– Можно мне еще раз заглянуть в его комнату? Всего на минутку?

Он хотел положить дневник обратно, пока она не обнаружила пропажу. Невозможно представить, что она не знает о существовании дневника, она, которая так пристально следила за жизнью мальчика, словно верила, что в будущем ему потребуется биограф.

Она отняла руки.

– Не сейчас.

Наказывала его, эта жестокая и любящая женщина, его подлинный друг. Он заслужил, но он слишком хорошо знал ее, знал, что жестокости ей хватит ненадолго.

– Мне нужно подписать открытки, – сказала она. – Твой отец прислал соболезнование. И Аллан звонил, из самого Гонконга.

Она помолчала и добавила:

– Аллан не слышал о нашем разводе. Возможно, он не слышал даже о нашем первом разводе.

Он пожал плечами:

– Ты же нас знаешь.

Его отец круглый год жил во Флориде, брат – на другом конце света. Они редко общались.

Десять утра. Ему нужно чем-то заполнить время до пяти вечера.

– Ты что-нибудь ешь? – спросил он.

Этот вопрос, похоже, застал ее врасплох.

– Наверное, – ответила она. – Думаю, что ем.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Куин, – ласково сказала она. – Ты мне сейчас ничем не поможешь.

Это была правда, и от правды ему стало больно, как от свежего синяка. Белль проводила его до обочины, словно там ждала машина.

– Я теперь какая-то другая, – сказала она, и даже если было в его жизни время, когда он знал, что делать с такими признаниями, то это время давно миновало. Он не сводил с нее глаз, пока она не попрощалась с ним медленным кивком.

Он взял с собой усилитель – тот ничего не весил – и нес его в руке через свой бывший район и дальше по Вашингтон-авеню, потом по бульвару, по наклонной Стейт-стрит до Барклетт-стрит, а потом вверх по лестнице через три темных пролета до квартиры, где не было ничего, кроме музыкального оборудования в идеальном состоянии, кой-какой подержанной мебели и фотографии мальчика в рамке. Скаутская форма, зубы чуть видны, что означает готовность от-

кликнуться на просьбу. Его попросили улыбнуться, и он сделал все, что мог.

ПТИЦЫ

1. Самая маленькая птица. Пчелиная колибри. 2,24 дюйма и 0,056 унции.
2. Самая быстрая птица на земном шаре. Страус. 45 миль в час.
3. Птица, которая летает выше всех. Белоголовый сип. 37 000 футов.
4. Самая разговорчивая птица. Кличка Пруды. Африканский серый попугай (жако). 800 слов.
5. Птица, у которой больше всего перьев. Американский лебедь. 25 216 перьев.
6. Птица, у которой меньше всего перьев. Краснозобый колибри. 940 перьев.
7. Птица, которая летает медленнее всех. Американский вальдшнеп. 5 миль в час.
8. Самый длинный клюв. 18,5 дюйма. Австралийский пеликан.
9. Самая красивая птица. На мой взгляд, черношапочная гаичка.
10. Самый дальний перелет. Речная крачка. 16 210 миль.

Глава 3

В ту первую субботу, в начале мартовской оттепели, мальчика привез серый фургон, за рулем которого сидел атлетического сложения командир скаутов в отглаженной униформе. Капало отовсюду: с водосточных труб, с перил, с кормушек для птиц и с боковых зеркал автомобиля. Командир скаутов выбрал одного мальчика из отряда – остальные ребята выглядели и крупнее, и ленивее – и с ним промаршировал к крыльцу. Он представился как Тед Ледбеттер, потом представил выбранного им хрупкого мальчика, чей сдержанно-прилежный вид сразу взволновал ее.

Первое слово, которое возникло в ее сознании, словно отлетевшая рикошетом градина, – *brolis*. Она зажмурилась, будто это слово и впрямь ударило ее по голове.

Брат.

Ему было одиннадцать, хотя по виду он мог сойти и за восьмилетку. Поверх скаутской формы – нелепая непромокаемая кожаная куртка, из которой торчала голая шея, худенькая и неестественно белая. Он выглядел беззащитным и ранимым. Командир скаутов оставил мальчика, перед этим дав ему по-военному несколько указаний, и пообещал забрать через два часа.

Фургон с грохотом отъехал, мальчик молча стоял перед Уной, хрупкий и простодушный, как кузнечик.

– Как приятно с вами познакомиться, – произнес он.

– Хм, – ответила Уна.

– Сколько вам лет? – мальчик внимательно посмотрел на нее.

У нее в голове промелькнуло и сорвалось с губ еще одно слово: *šimtas*.

Он моргнул.

– Что?

– Сто.

– На каком это языке?

– Не знаю, – ответила Уна озадаченно. – На литовском, наверное. На самом деле мне сто четыре года, а не сто. Одинальщица-четыре.

Они стояли вдвоем в мире, истекающем капелью, и оценивали друг друга. Мальчик восхищался весом живого столетия, а Уна удивлялась, откуда, черт возьми, взялись два никак не связанных между собой слова на языке, которого она до сих пор не помнила.

– Ну что ж, заходи, – сказала она.

Он вошел и вежливо остановился на коврике – с его ботинок натекла вода.

– Я хочу дать тебе несколько поручений, – сказала она. – Если ты не сможешь или не захочешь их выполнять, то лучше сразу скажи.

– Я смогу.

– Ты ведь еще не знаешь, какие поручения.

– Все равно смогу.

Произношение у него было прекрасное, только порой он делал маленькие, едва заметные паузы в неподходящих местах, как иностранец или человек, которому не хватило воздуха.

Работником он оказался хорошим: исполнительный, старательный и довольно тщательный. По субботам вывозили мусор, и он доволлок ее мусорный бак от бордюра аж до самого сарая, как она и рассчитывала, и заменил веревку на крышке бака, на что она совсем не рассчитывала. Он снял все птичьи кормушки, наполнил их до краев, а потом повесил обратно с усердием оформителя витрин. Он счистил с дорожек остатки снега. Когда она угощала его печеньем, приехал командир скаутов.

Уна сказала, что согласна взять мальчика на работу. У мистера Ледбеттера просто камень с души свалился – всех предыдущих кандидатов она отвергала в первый же день.

В следующую субботу – после того как он проделал все манипуляции строго в том же порядке, что и неделю назад, отчего она подумала, уж нет ли у него на ладошке шпиргалки, – мальчик признался, что обожает рекорды. Они сидели за столом, ели крекеры в виде животных, и мальчик откусывал поочередно хвост, лапы, голову. Каждый раз в той же последовательности.

– Нет, не спортивные рекорды, – объяснял он. – А ре-

корды типа... Во-первых, как долго можно вращать монету. Во-вторых, самая большая в мире коллекция карандашей. В-третьих, самый длинный волос в ухе. – Он перевел дыхание. – В-четвертых...

– Рекорды из Книги Гиннеса, – сказала Уна.

Она слушала его, не испытывая раздражения, и это само по себе уже доставляло ей удовольствие.

– Вы знаете о ней! – он ужасно обрадовался. – Между прочим, попасть туда труднее, чем многие думают.

Обычно скауты наводили на нее тоску: подсчитывают, кто заработал больше очков, обсуждают итоги футбольных матчей, ленятся работать и пытаются схалтурить. Однако этот мальчик принес с собой ощущение второго детства: ей казалось, она говорит с ребенком, которого могла знать, когда ей самой было одиннадцать. Она с легкостью поместила его в дом Мак-Говернов⁴, представила у белого мраморного фонтана со стаканом шоколадного сидро. Она могла вообразить, как он играет в стикбол на Уолд-стрит вместе с мальчиками в белых рубашках или открывает дверцу черного REO⁵ Джо Пребби. Было в нем что-то странноватое, отчего он казался пришельцем из других времен, из иных миров.

Он помог вспомнить ту пору, когда люди ей еще нравились. И что она прожила не одну жизнь. Она вынула из кар-

⁴ Мак-Говерны – герои любовного романа Маргарет Уэй «Мой кумир».

⁵ REO Motor Car Company – компания, которая производила автомобили и грузовики с 1905 по 1975 год.

мана монету в двадцать пять центов. Примерилась несколько раз и закрутила ее.

– Итого пять секунд, – объявила она после того, как монета поколебалась и подчинилась силе тяжести. – А рекорд сколько?

– Девятнадцать целых тридцать семь сотых секунды, – ответил мальчик. – Установил мистер Скотт Дэй, страна Великобритания. У вас стол недостаточно ровный.

Уна посмотрела на шарф с блестящими наклейками, который висел у него на груди.

– А рекорд по наградным значкам ты знаешь?

– Мистер Джон Стэнфорд, гражданин США, получил сто сорок два почетных значка. – Он взглянул в окно. – Есть значок за распознавание птиц.

– В самом деле? Это снегирь, – она проследила за его взглядом.

Уна научилась у Луизы узнавать самых распространенных птиц в ту пору, когда жизнь еще преподносила маленькие сюрпризы. Вела записи почти десять лет, но сейчас даже не помнила, когда в последний раз действительно наблюдала за птицами. Кормила их из жалости.

– Я уже знаю кое-каких птиц, из обыкновенных, – сказал он. – Во-первых, ворона. Во-вторых, малиновка. В-третьих, дубонос. В-четвертых, синица-гаичка. Но чтобы получить значок, во-первых, нужно знать двадцать птиц. Во-вторых, нужно построить скворечник. В-третьих, нужно угадать

пять птиц по их голосам.

Уголки его мягких губ опустились:

– А у меня нет музыкального слуха.

– В самом деле? Мой муж Говард был несостоявшимся певцом, поэтому у меня к музыке неоднозначное отношение, – Уна похлопала себя по уху. – Но птичье пение совсем другое дело. Правда, я перестала улавливать высокие тона. Последний раз я слушала птиц, когда мне было семьдесят два. Даже у малиновки порой пропадает звук, будто у сломанного радио.

– Как это грустно, – сказал он, тело его замерло в позе, которая передавала глубокое сочувствие, и она ощутила сильное, настоящее сожаление из-за того, что лишилась всех этих птичьих голосов и напоминающие флейту звуки больше не могут просочиться через ветхие перепонки ее внутреннего уха. Закончив ухаживать за Луизой, которая доживала дни на последней стадии рака, Уна не смогла вернуться к своим прежним занятиям и решила, что они последовали за Луизой в Великое Неведомое. «Только смотри, не превратись в старого краба, – предостерегала ее Луиза в те последние дни. – Это проще всего». И да, именно это с ней произошло: она превратилась-таки в старого краба.

– Мистер Джон Резникофф, гражданин США, попал в Книгу Гиннеса, потому что коллекционировал волосы, – сказал мальчик. – Во-первых, волосы Авраама Линкольна. Во-вторых, волосы Мэрилин Монро. В-третьих, волосы Аль-

берта Эйнштейна. В-четвертых...

Список был длинным, и она дослушала до конца, не перебивая. Он не сводил глаз с ее лица. Он хранил в памяти невероятное количество рекордов, все в том же роде: про коллекционирование волос, про вращение монет. Он тоже коллекционирует – понемногу, признался мальчик. Чтобы коллекционировать по-настоящему, требуются деньги и возможности, которых, разумеется, нет у обычного пятиклассника.

– Мистер Джон Резникофф покупает волосы для коллекции, – уточнил мальчик. – Не думайте, что он раскапывал могилу Линкольна.

– О! А я уж подумала.

– Мистер Ашрита Фурман, гражданин США, прошел восемьдесят целых девяносто шесть сотых миль со стеклянной бутылкой молока на голове.

– За один раз? – недоверчиво переспросила Уна.

– Мистер Ашрита Фурман также поставил рекорд по числу рекордов. – Мальчик помолчал. – Во-первых, где мне взять стеклянную бутылку с молоком? Во-вторых, как мне отмерить восемьдесят миль? В-третьих, разве мама разрешит мне прошагать восемьдесят миль с бутылкой на голове, даже если я соберусь?

Он снова помолчал и добавил:

– Таковы мои дела.

Хотя о себе он рассказывал немного, Уна догадалась, что школа была для него пыткой: день за днем он прятался на

заднем ряду в страхе, что его вызовут. На переменах он, наверное, стоял в одиночестве. Ее сыновья легко обзаводились друзьями, особенно Фрэнки – такой солнечный, он всем нравился. Этот мальчик, с его размеренным голосом и сдержанными манерами, гораздо больше походил на ее ребенка, чем собственные сыновья.

– Я знавала человека, который жонглировал мышами, – сказала она.

Он широко раскрыл глаза, и она вдруг брякнула о своем побеге из дома.

– Вы сбежали из дома? – переспросил мальчик, и она поняла, что подверглась переоценке в его глазах. – Вы бросили свою маму?

– Время было занятное, в воздухе пахло войной. Я в том году укоротила все свои юбки, сколько их у меня было, да и другие девушки в Кимболе сверкали икрами.

Подстегиваемая внимательным взглядом серых глаз мальчика, Уна продолжала:

– Мистер Холмс был хозяином труппы; шулер, насколько я могу судить. Представление у него было так себе, обычное дело для бродячих трупп, больше походило на карнавал вроде тех, что устраивают сегодня в торговых центрах.

– О! – воскликнул мальчик. – Я однажды был на таком.

– Ну и как тебе?

– Карусель крутилась очень быстро.

– Ну, у нас была старая каруселька, которую мистер Холмс

выиграл в покер, – добротный такой двухрядный «Армитаж Хершелл», переносная модель. Приехал – разобрал, собрал – уехал. Видал такие?

– Никогда, – мальчик снова широко раскрыл глаза. – Вот бы повидать.

Уна вынула карты и начала их тасовать.

– Они старались изо всех сил: эта карусель, какие-то третьеразрядные трюки, попугай, который исполнял «Те самые дни» голосом Софи Такер. Слышал ее?

– Нет. А можно послушать?

– Моя «виктрола»⁶ давно сломалась, – ответила она. – Шесть вечеров подряд я ходила смотреть на это представление. А на седьмой вечер влюбилась прямо там, возле карусели.

Да разве и могло быть иначе? Знойный вечер, запах кокосов и подсохшей тины, паровая карусель с разноцветными лошадками, навечно застывшими в неистовой скачке.

– Я до сих пор помню выпученные глаза этих лошадей, – сказала она мальчику. – Ты себе даже не представляешь, какие тогда были краски! Ничего общего с нынешней тусклятиной. Выбери карту из колоды.

Мальчик посмотрел удивленно:

– Сейчас?

– Когда будешь готов. Я тебя немного позабавлю.

⁶ Фонограф, выпускавшийся в первой половине двадцатого века фирмой Victor.

Она узнала слово «позабавить» от Мод-Люси Стоукс, учительницы из своего детства, чья грамматически безупречная речь внушила маленькой Уне первое, хоть и неправильное, впечатление об Америке как о стране исключительной точности, в чем ей со временем пришлось разочароваться. Уна полюбила английский с самого начала и обращала на него огромное внимание, постоянно подмечала разные языковые феномены: синтаксические катастрофы своих родителей, повседневную ругань жестянщика, чистейшее произношение Мод-Люси. Стилль речи может заставить слушателей испытать жалость, проникнуться почтением, купить банку тушенки, которая не нужна. Мод-Люси учила Уну строить предложения сознательно, и в конечном счете та выработала свой стиль, смешав высокий жанр с низким, что вполне соответствовало ее неоднозначному отношению к человечеству.

– Вот так все и случилось, – говорила она мальчику. – Стояла я в толпе других девочек – своих соседок, смотрела, как эти чудесные лошадки все бегут и бегут по кругу, а Виктор, ученик татуировщика, прохаживался мимо, словно мы уже встречались во сне. Белокурый красавец Виктор, русский.

Он украл сначала ее сердце, потом невинность, а затем деньги.

– До этого я ни разу мальчика даже за руку не держала. Я была не из таких.

– А из каких?

– О, – вздохнула она. – Ну, как тебе сказать. Из невинных. Вроде тебя. И почему, скажи на милость, я все это тебе рассказываю?

– Не знаю. – Взгляд мальчика упал на нее, словно яркий солнечный луч.

Она на миг почувствовала себя голой. Так подействовало на нее воспоминание о Викторе. О Викторе, которому сто девять лет. Который давно умер, похоронен и теперь флиртует с ней из могилы.

Наконец мальчик выбрал карту. Он рассматривал ее секунд тридцать, не меньше, а потом протянул Уне. Она сделала вид, будто возвратила ее в колоду.

– Готово, – сказала она и метнула его карту на стол справа от колоды.

У мальчика отвисла челюсть.

– Бога ради, ты что, никогда не видел карточных фокусов?

– Настоящих – нет. В классе есть мальчик, который показывает фокусы, но очень плохо, – он нахмурился. – Все думают, Трой Пакард такой крутой.

Травят мальчика в школе, догадалась Уна.

– Ну что ж, тогда смотри сюда, – сказала она, раскладывая карты для простейшего фокуса «Перевернутая карта», как делала множество раз для испуганных мальчиков в приемной академии Лестера в бытность секретарем директора. Самых младших и самых напуганных учеников она учила этому фокусу, как сейчас мальчика.

У него были замечательные пальцы, и старания хватало, но напрочь отсутствовала способность пускать пыль в глаза.

– У тебя хитрости ноль, – сказала она. – Лучше не пробуй показывать этот фокус в школе.

– Мировой рекорд по карточным домикам – сто тридцать один этаж.

– Может, тебе стоит заняться этим. Установи новый рекорд.

– Я пробовал.

– Сколько этажей у тебя получилось?

– Одиннадцать.

– На каждый год жизни по этажу.

Ему, похоже, понравилось ее замечание, и он сказал:

– Мисс Виткус, у вас такие прекрасные руки.

В третью субботу, в благодарность за комплимент, полученный впервые за многие десятилетия, Уна продемонстрировала полный арсенал своих карточных фокусов – можно сказать, от и до, и совершенно даром. Но мальчик оказался слишком наивным, чтобы оценить разницу между элементарной простотой «Трех королей» и изощренной сложностью «Утренней почты». Во время манипуляций даже не было необходимости, передергивая карту, отводить ему глаза болтовней, но она все равно отвечала на его вопросы. Впервые за долгое время, если не за всю жизнь, кто-то проявлял такой интерес к самым обычным фактам ее биографии.

У мальчика была манера слушать, с которой она никогда не встречалась: вообще не двигаясь. Глаза, плечи, ноги – все тело замирало. Только пальцы шевелились – в сдержанном, но различимом жесте, словно он что-то подсчитывал. Из слегка сжатого кулака высовывался мизинец, потом безымянный, потом средний, потом указательный, потом большой. Затем вступала другая рука: первый, второй, третий, четвертый, пятый. Затем кулаки опять сжимались, и все повторялось сначала, неизменно, ритмично. Своеобразная престижизитация – казалось, движением пальцев он отсекает ее историю на отдельные пункты невидимого списка и самые обыкновенные сведения превращаются в чудесную поэму.

1. Мисс Виткус приехала в Америку, когда ей было четыре года.
2. Ее родителей звали Юргис и Алдона.
3. Ее родная страна называется Литва.
4. Она находилась под управлением России.
5. Которая хотела забрать всех литовских мужчин и отправить в армию.
6. Так Юргис и Алдона оказались в Кимболе, штат Мэн, где было семь фабрик.
7. Юргис устроился на фабрику, Алдона пошла на сортировку вторсырья.
8. Они решили вырастить свою дочь настоящей американ-

кой.

9. Поэтому не разговаривали с ней по-литовски.

10. А говорить с ней по-английски не могли.

– А вам не было одиноко? – спросил мальчик. – Если бы моя мама не разговаривала со мной, с кем еще на свете я мог бы поговорить?

Он собрал пальцы в кулаки и замер в ожидании очередной десятки фактов. Она почувствовала себя обязанной ответить.

– Мои родители разговаривали со мной, – сказала она.

Мизинец.

– Просто словарный запас у них был ограничен.

Безымянный.

Сквозь толщу лет донеслось до нее многократно повторенное имя: «Уна, ты куда, Уна? Уна, вежливо улыбнись, Уна. Уна, славное платье, Уна. Уна» – единственно разрешенное слово родного языка, слабое утешение, мыльный пузырь, напоминающий о родине. Всплывают картинки из детства... Вот Уна прижимается ухом к двери родительской спальни, жадно и взволнованно вслушивается, как родители шепчутся на родном языке: «пшика-пшика-пшика» – загадочное шуршание, которое напоминает шелест листьев на дереве.

За пределами спальни звучал только английский, английский, английский. Алдона работала целыми днями на кар-

тонной фабрике, Юргис – ночами на целлюлозно-бумажной и после смены привозил на пароме запас новых слов и выражений. Когда Уне исполнилось шесть, они приобрели собственный дом в три этажа с открытой верандой. На углу Уолд-стрит и Чэндлер-стрит дом Виткусов, бревнышко к бревнышку, возвышался как доказательство их стойкости и правильности сделанного выбора. На крошечном заднем дворе они возродили уголок любимой Летувы – разбили огород с таким удивительным расчетом, что урожай овощей собирали три раза в году.

– Каких овощей? – спросил мальчик.

– Помнится, было много капусты.

– Капусты! – воскликнул мальчик. Похоже, удивить его не стоило большого труда.

1. Юргис и Алдона скопили денег и построили жилье в Кимболе.

2. Дом был трехэтажный.

3. Назывался многосемейный.

4. На заднем дворе у Виткусов росла капуста.

5. Пастернак тоже рос.

6. Маленькая Уна Виткус и ее родители жили на первом этаже.

7. На втором этаже жили другие люди.

8. А на третьем этаже жила молодая леди из Граньярда, штат Вермонт.

9. Ее звали Мод-Люси Стоукс.

10. Она учила играть на пианино и преподавала детям иммигрантов английский язык.

«Хорошее разговаривание», сказал Юргис, когда привел маленькую дочь на третий этаж к Мод-Люси. К блистательной, изысканной Мод-Люси Стоукс. Юргис хотел сказать: «Научите ее чему-нибудь! У нас языки связаны».

– У меня был жуткий английский, – сказала она мальчику.

– Вы прекрасно говорите, – ответил он.

– Но не тогда. Я говорила на чудовищной смеси: американский сленг, сдобренный итальянскими и французскими словечками, которых нахваталась на улице. Мои родители понимали, что я ничего не добьюсь в жизни с такой кашей во рту.

– Но ведь ваши родители не говорили по-английски. Откуда они могли знать, что вы говорите плохо?

– Они были иностранцы, но не глухие же, – ответила Уна. – Мод-Люси занималась со мной бесплатно, просто потому, что я ей нравилась. Она занималась со мной каждый день.

– Вдобавок к школе? – спросил мальчик, отпрянув и в ужасе позабыв отогнуть палец.

– Вместо школы. Школа провоняла немывтыми мальчишками и дымом. Учительница ненавидела девочек.

Вместо школы Уна каждый день поднималась на третий

этаж к Мод-Люси. К неспешной полнотелой Мод-Люси, которая стриглась до дерзости коротко, питала отвращение к пассивному залогу, держала у себя пианино, кошку и шкаф с книгами в темных толстых переплетах. К Мод-Люси, у которой в комнатах пахло чернилами и лавандой. Которая утверждала, что ей не нужны мужчины. Которая мечтала о ребенке и воспринимала Уну как замену ему. Которая угощала ее глаголами, как шоколадными конфетами.

– Боже мой, вот до чего ты меня довел. – Она посмотрела на свои пальцы.

Мальчик вдруг спрятал свои руки. Спустя мгновение он спросил:

– А вы скучали по маме с папой? Когда сбежали из дома с цирком?

– Не с цирком, – ответила она. – Уж не воображаешь ли ты, что я скакала по арене на слоне?

– Нет, что вы.

– Ты уж, небось, вообразил, что я отплясывала на спине у слона, верно?

Он засмеялся, как будто развеселившись. До сих пор он не проявлял чувства юмора, только различную степень серьезности.

– Разлука с родителями далась мне легче, чем ты думаешь, – сказала она. – К тому времени я себя ощущала скорее дочерью Мод-Люси, чем своих родителей. Но тем летом ей пришлось уехать к себе в Вермонт, чтобы ухаживать за

больной тетушкой. А мои родители строили планы, как вернуться на родину. Так что уйти из дому было нетрудно. Мне исполнилось четырнадцать, довольно большая девочка. Скучала я только по Мод-Люси.

Мальчик немного помолчал.

– По-моему, тут один человек любит мою маму. Это секрет. – Он отвел глаза в сторону. – Может, однажды он станет моим папой.

– А, ну это немного другое.

– Иногда мне кажется, что этот человек и правда мой отец. Примерно как вы считали Мод-Люси своей мамой.

– Я поняла, о чем ты.

– Мой настоящий папа – отличный музыкант.

Он указал в окно:

– Это какая птица?

– Зяблик, – ответила она.

Мальчик схватил рюкзак, вытащил чистый блокнот и добавил зяблика в свой список.

– Теперь восемь, – сказал он. – Осталось еще двенадцать.

Он всматривался в зазеленевшие кусты спиреи⁷: наконец-то наступила весна.

– Мне не хватает утреннего щебета, – сказала Уна. – У птиц такие высокие голоса.

– Я должен научиться распознавать пять птичьих голосов.

– Увы, не смогу тебе помочь.

⁷ Род листопадных декоративных кустарников семейства розовых.

– Будь у птиц голоса пониже, вы могли бы их слышать.

– Тут уж ничего не поделаешь, таков замысел Божий.

Мальчик немного подумал.

– А ваши мама с папой живы?

– Господь с тобой! Ты считать умеешь?

Он помолчал, считая в уме.

– Что с ними стало?

Вот уж чем вообще никто на свете не интересовался.

– Они подшлифовали свой английский, – сказала она. –

Ушли с работы и открыли бакалейную лавку. Работали там, пока хватало сил, пожили и умерли. Как это происходит со всеми людьми.

– Не со всеми, – ответил он. – Взять хотя бы вас.

Внезапно его подсчеты, похоже, завершились результатом, который так взволновал его, что это отразилось во всем теле.

– Слушайте, – сказал он и встал. – Мне пришла в голову одна мысль.

Его веки дрожали. Он схватился тонкими руками за голову, словно пытался удержать ее на плечах.

– А что, если... мисс Виткус, что, если вы... самый старей человек на планете?

Уна могла бы отнестись к этой новости по-разному.

– Господи, – сказала она. – Надеюсь, что нет.

Он вприпрыжку шагнул по кухне, все еще сжимая голову руками, словно удерживал рвущееся ликование.

– Слушайте, мисс Виткус, вы ведь можете попасть... в Книгу... рекордов... Гиннеса!

– И получу денежный приз?

– Во-первых, вы получите сертификат, – говорил он, его голос взмывал вверх. – Во-вторых, вы получите почет. В-третьих, вы получите бессмертие!

– Ну, это все довольно трудно измерить в деньгах, я полагаю, – сказала она.

Тут в дверях возник несносный командир скаутов и увез мальчика домой.

Глава 4

В пабе «Побег из тюрьмы» пахло пивом и ветхостью, но его посетители фонтанировали энергией: всем под тридцать, девушки с тонированными волосами, в откровенных блузках, парни с накачанными бицепсами и искусственным загаром. Они любили танцевать, эти парни, положив руки на извивающиеся бедра партнерши, словно управляли ею. Им нравился старый добрый рок-н-ролл, музыка их родителей.

Куин приходил сюда играть каждую неделю вместе со старыми приятелями, с которыми когда-то сколотил группу под названием «Раздолбаи». В пору бесшабашной молодости они сочинили несколько средненьких мелодий, а со временем превратились в возрастную кавер-группу.

– Может, ты заработался, – говорил Куину Ренни.

У «Раздолбаев» начался второй перерыв, и Куин возле барной стойки потягивал сильно охлажденную колу. На этот напиток он перешел после того, как одиннадцать лет назад в ночь, когда родился мальчик, пообещал Белль завязать.

– Ничего я не заработался, Рен.

Куин сбился с тональности и пропустил вступление, чего никогда раньше с ним не случалось. Он просто совсем не спит, вот и все, но говорить об этом не стал.

Меньше всего на свете ему хотелось, чтобы его жалели.

– Когда ты последний раз отдыхал? – гнул свое Ренни.

– Мне не нужно отдыхать, Рен, мне нужно больше работать. У меня... долг.

– Долг? У тебя же никаких кредитов, – это прозвучало с завистью.

– Ситуация изменилась.

– Могу подбросить тебе парочку смен, – сказал Ренни.

У него был интернет-магазин, который не раз выручал Куина, когда тот оказывался на мели. Своим заработком музыканта Куин за долгие годы научился управлять, он представлялся ему в виде речного русла, которое то выходит из берегов, то пересыхает. Фокус заключался в том, чтобы удерживаться на плаву в этом живительном колеблющемся потоке и во время приливов, и во время отливов. Ему это удавалось лучше, чем многим. «Не бойся работы, солнышко, – говорила ему его молодая мать перед смертью. – Для тебя это будет самым лучшим занятием».

– Это не тот долг, Рен.

Он слышал, как Гэри и Алекс болтают за столиком с молодыми учительницами, которые отмечают день рождения. Его товарищи выросли вместе с ним в районе трехэтажек на Манджой-хил. Сейчас Ренни управляет своей интернет-империей, у Алекса юридическая фирма, Гэри держит кабинет хиропрактики. «Побег из тюрьмы» для них – свет в конце недели. Им приходится быть отцами смурных или веселых детей, подстригать газоны, заполнять налоговые декларации, выполнять нудные поручения по дому, и в мину-

ты нередкой тоски им кажется, что хорошо бы поменяться местами с Куином, который выбрал жизнь профессионального музыканта.

– Ну ладно, оставляю тебя в покое, – сказал Ренни и пошел в бурлящий зал.

Никогда Куину не хотелось выпить сильнее, чем в вечер после похорон мальчика, когда он с головой окунулся в понедельничную рутину – прикидывал доходы и расходы на неделю. Рука замерла, не дописав цифру, озарение пришло, словно телеграмма с того света: основная статья его расходов – мальчик, которому требуются деньги на медицинскую страховку, школу, завтраки, стрижку волос, ботинки, будущую учебу в колледже, но мальчика больше нет. Он перевел дыхание и посчитал, какую сумму выплатил бы, доживи мальчик до восемнадцати лет. Цифра получилась ошеломительная, но он решил отдать Белль эти деньги во что бы то ни стало и как можно скорее, вроде епитимию на себя наложил. Десятину. Он не хотел, чтобы из-за смерти мальчика его жизнь сделалась легче.

Вот в тот самый вечер он и отдыхал последний раз.

В заднем кармане завибрировал телефон. Куин дважды подумал, прежде чем ответить, – он ждал этого звонка, и под ложечкой засосало, когда он услышал ее голос. Он вслушивался в разъяренные интонации и представлял телефонное соединение в виде пуповины, пурпурной и влажной, которая связывает их.

– Я собирался его вернуть, – сказал он. – Еще вчера, честно. Но ты непустила меня в его комнату.

Он медленно закрыл глаза, чтобы остаться с ней наедине, пусть даже так. Но она всхлипывала, повторяя имя мальчика, раз, другой, третий. С каждым жалобным стоном Куин хлопал глазами – хлоп, хлоп, хлоп, словно она выдергивала его из сна.

– Белль, – ласково сказал он. – Успокойся.

– Да не успокоюсь я! Не успокоюсь! Может, ты дашь мне урок спокойствия, Куин? Поучил бы меня, мастер спокойствия! Будь так добр, прошу тебя! Сделай милость. Сейчас, когда у меня такое горе, мне бы очень пригодился, чертов ты робот, твой урок, урок спокойствия!

– Белль, ради бога. – Он заметил бармена.

– Мог бы хоть сказать, что взял дневник. Но ты струсил, вечно ты трусишь, – плакала она навзрыд, и сгустки отчаяния разрывали телефонную пуповину.

– Я принесу его, Белль, – сказал он. – Сегодня же принесу, даю слово. Сам не знаю, зачем я унес его.

И он правда не знал. Но теперь, когда дневник мальчика оказался у него, расставаться с ним не хотелось.

Боковым зрением он заметил, что Гэри помахивает палочками, призывая Куина на сцену. Теперь плач Белль звучал не громче обычного.

– Это ведь его личный дневник, – всхлипывала она. – Какое ты имел право забирать его? Ты не заслужил такого пра-

Ba.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.